

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ГАК В. Г.

К ТИПОЛОГИИ ФОРМ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

В последние десятилетия во многих странах мира с новой остротой встали вопросы языкового строительства. Они ныне актуальны не только в странах «третьего мира», которым после освобождения пришлось заняться выбором языков общегосударственного общения, разработкой литературной нормы языков народов, входящих в состав этих государств. Они чрезвычайно обострились и в ряде «старых» стран Европы и Америки. Когда-нибудь историки, социологи, лингвисты, изучающие эти процессы, раскроют факторы, лежащие в их основе, но нельзя не отметить, что, например, в Западной Европе тенденции к экономической и политической интеграции парадоксальным образом сочетаются с тенденциями к культурно-языковой диверсификации. За последние десять лет оформилась фламандско-валлонская федерация внутри Бельгии, утвердилась национальная автономия Галисии, Каталонии и Страны Басков в Испании, вновь ожили казалось бы окончательно «придавленные» языки этнических меньшинств Великобритании, Франции и других стран.

Существенную роль в актуализации языковых проблем во всем мире сыграло расширение демократических и гуманистических воззрений. Становится все более очевидно для всех, что каждый язык представляет собой общественное и общечеловеческое богатство, неповторимое в своей индивидуальности. Люди стали больше заботиться о сохранении этого богатства. Гуманистические взгляды привели к утверждению того, что французы называют *le droit à la différence*, т. е. «право на различие», право быть не такими, как другие, право говорить на своем языке, жить в соответствии с традициями своей культуры.

Вопросы языковой политики и языкового строительства активно разрабатывались в СССР в первые годы Советской власти, когда возникла необходимость создания алфавитов и литературных норм для многих языков нашей страны. Но не все аспекты этой многоплановой проблематики получали у нас равномерное освещение. Между тем становится все более очевидным, что проблематика, связанная с языковым строительством, все больше оформляется в особый раздел языкознания (а именно социолингвистики) со своими универсалиями и фреквенталиями, со своими закономерностями и импликациями.

В последнее время за рубежом вышел в свет целый ряд трудов, посвященных этой проблематике, представляющих несомненный теоретический и информационный интерес. В частности, парижское издательство «Робер» выпускает серию коллективных монографий по различным, но связанным между собой аспектам социолингвистики. В этой серии, подготавливаемой канадским Советом французского языка, уже вышли монографии [1—3].

Мы рассмотрим проблемы языкового строительства (*aménagement linguistique* «обустройство языка») на материале последней книги, составителем и редактором которой является Ж. Морэ. Помимо предисловия, написанного Дж. Фишманом, эта книга содержит 12 статей, сопровождаемых обширной библиографией. Первая и две заключительных статьи посвящены общим проблемам языкового строительства: «Языковое обустройство» (Д. Дауст и Ж. Морэ); «О языковых проблемах» (Б. Ернудд); «О сравнительном языковом обустройстве» (Ж.-К. Корбей). Глава «Литературный язык и языковая культура: разработка и приложение теорий пражской школы», написанная Ф. Данешем, касается общих вопросов литературной нормы. В остальных восьми статьях рассматривается ситуация в одной из стран, преимущественно с точки зрения языка, нуждающегося в защите или в регулировании: «Нидерландский язык в Бельгии» (К. Депрез); «Языковое обустройство в Каталонии» в XX в.» (А. Бастардас Боада); «Языковое обустройство в Эускади» (К. Ротаэче); «Шведский язык в Финляндии» (К. Лаугрен); «Обустройство современного иврита» (М. Нахир); «Комиссия защиты испанского языка в Мексике» (Л. Лара); «Квебекский опыт языкового обустройства» (Ж. Морэ); «Языковая политика и языковое обустройство в Югославии» (Р. Бугарски).

Языковое строительство имеет два аспекта: формирование норм литературного языка и определение функций языка в обществе. В данном случае нас интересует второй аспект, и мы не будем останавливаться на статьях Лары, Нахира, Данеша, касающихся первой стороны проблемы. Кратко изложив содержание статей и проблематику каждого из рассматриваемых языков, в заключение мы попытаемся обобщить опыт решения каждой проблемы, связанной с обустройством языков. В монографии рассматриваются преимущественно проблемы языковой ситуации в экономически развитых странах (только в статье Ернудда речь идет о развивающихся странах). Нельзя не заметить, что во всех статьях авторы ничего не говорят об исследуемых языках как об орудиях культуры, литературы и т. п. Это не случайно. Художественная литература является высшей формой использования языка, она показывает его возможности, способствует его обогащению, но не она решает судьбу языка в обществе. В истории было немало примеров, когда на каком-либо языке создавались выдающиеся художественные произведения, но сам этот язык умирал. Выживание и развитие языка обеспечивается его использованием в трех других сферах: в быту, в преподавании и в общественной жизни (прежде всего в сфере администрации и на производстве). Язык отмирает, если он перестает быть средством общения в семье. Он беднеет и не развивается и в конце концов тоже отмирает, если не используется как язык преподавания в школе и в общении людей.

*

В статье Д. Дауста и Ж. Морэ разбирается система терминов и понятий, относящихся к языковой политике. Авторы считают, что невозможно разработать типологию «языковых политик», т. е. положение в каждой стране представляет собой особый случай («un cas d'espèce»).

Основываясь на работах У. Вайнрайха, Э. Хауген ввел в 1959 г. термин «языковое планирование» (*language planning*). Этот термин, вначале несколько расплывчатый, покрывавший и такие понятия, как норма языка, культура языка, языковая эстетика, был далее Хаугеном уточнен. Он предложил опыт типологии языковых проблем, различая: а) выбор нормы, б) кодификацию нормы, в) внедрение нормы в языковое сообщество,

г) приспособление языка к выполнению им новых функций. Добавим от себя, что всякий раз, когда в науке возникает новый перспективный термин-понятие, появляются четыре возможности его разработки: а) он уточняется, получая более дробные подразделения, б) он включается в более широкое понятие, в) он используется в иной, смежной науке, г) у него появляются синонимы, несколько модифицирующие первоначальное понятие. Исторический обзор в статье показывает, что термин «языковое планирование» претерпел все эти четыре типа «обработки».

Анализируя более поздние работы Дж. Рубина и Я. Неуступного, авторы показывают, как формировалось основное противопоставление внутри понятия «языковое планирование», наиболее четко сформулированное Х. Клоссом (1969 г.), который предложил различать «corpus planning» и «status planning». Первое понятие касалось внутренней разработки языка (фиксация нормы, развитие терминологии, упорядочение орфографии и т. п.), второе — положения языка в обществе, в его соотносительности с другими языками в данном обществе. В 1983 г. Хауген предложил более подробную детализацию понятия «языковое планирование» в соответствии с двумя параметрами: форма — функция и общество — язык.

Если Хауген искал внутренние подразделения в понятии «языковое планирование», то Неуступный, напротив, предлагал включить его в более широкое понятие «обработка языка» (language treatment). В последние годы понятие языкового планирования стали связывать с социополитическими проблемами. Оно рассматривается как средство разрешения социальных, экономических и политических проблем через посредство языка, используется в социологии.

И наконец, наряду с этим термином стали употреблять синонимические обозначения. Во Франции был предложен термин «языковое обустройство» (aménagement linguistique), каталонские ученые ввели в обиход термин «языковая нормализация». Авторы статьи полагают, что синонимы эти — неполные, в «языковом планировании» они усматривают отрицательную коннотацию, поскольку оно слишком подчеркивает вмешательство официальных органов.

Во всех этих рассуждениях просвечивает обычный для западных авторов своеобразный англосаксонский «научный империализм»: новизна понятия в науке определяется временем его первого упоминания в американских или английских работах. Между тем сходное понятие «языковое строительство» является традиционным в советском языкознании. (Авторы статьи указывают на использование этого термина Ю. Д. Дешериевым в 1983 г.) Во французской лингвистике применялся также термин «глотно-политика» (Геспен и Марселлези), «языковое регулирование» (Корбей в Канаде). Однако все авторы книги употребляют термин «языковое обустройство», которым мы и будем пользоваться далее.

Проблема языкового обустройства возникает всякий раз, когда на одной территории сосуществуют разные языки или варианты языка. В этом случае имеет место «языковая подвижность» — переход групп населения от одного языка к другому. (В статье излагаются различные методики определения степени языковой подвижности, разработанные канадскими лингвистами.) В условиях многоязычия языковая подвижность — неизбежное явление, и в конечном счете оно может привести к смене языка через одно поколение. Вслед за А. Мартине авторы полагают, что двуязычие вообще представляет собой неустойчивое состояние, рано или поздно оно ведет к «глотнофагии» — поглощению одного языка другим. Они сочувственно цитируют французских лингвистов Р. Балибар и Д. Лапорта, подчерки-

вавших, что вытеснение языков меньшинств соответствует материальной потребности капиталистического класса иметь единообразную языковую практику для организации производства. К этому можно добавить, что в абсолютном языковом единстве заинтересована и любая бюрократия.

В статье излагается также эволюция понятий билингвизма и диглоссии за последние 60 лет. Для обозначения языков в условиях диглоссии предлагались различные термины: «высокий / низкий», «престижный / непристижный», «доминирующий / подчиненный» и др. В дальнейшем изложении мы будем пользоваться парой «мажоритарный / миноритарный язык», понимая эти термины не в количественном, но именно в функциональном аспекте: например, в нынешней Бельгии фламандцы составляют большинство, но их язык является миноритарным по отношению к французскому.

Диглоссия приводит к неполноте функций миноритарного языка, что отражается и на его внутренней структуре, т. к., например, целые слои лексики в нем не образуются или выпадают из употребления. Ее социопсихологическим следствием нередко оказывается языковое отчуждение, подробно исследуемое зарубежными лингвистами. Последнее заключается в том, что человек, не имеющий возможности полноценно пользоваться родным языком и не усвоивший полностью мажоритарный язык, фактически оказывается без средства общения и выпадает из числа активных членов общества. Поэтому у носителей миноритарного языка может возникнуть стремление перейти полностью на мажоритарный язык, у некоторых развивается то, что американские лингвисты называют «self-hatred» («самоненависть»), т. е. презрение и ненависть к родному языку. В условиях двуязычия миноритарный язык всегда может оказаться на пути к исчезновению, и предотвратить этот процесс можно только с помощью целенаправленных действий, составляющих часть языкового обустройства. Выделяются два основных средства такого обустройства: законодательные акты правительственных органов и деятельность общественных или частных организаций. Наиболее важны, естественно, законодательные акты разных уровней, регулирующие употребление языков в данном обществе.

Языковое законодательство существует уже много веков. В Европе одним из первых актов в языковой области было постановление Турского собора 813 г. о чтении проповедей на народных языках вместо латыни. До XIX в. в разных странах принимались законы в пользу мажоритарного языка. Со второй половины XIX в. начинают издаваться законы, ограждавшие миноритарные языки. Канадский исследователь Дж. Тури установил, что 110 из 147 проанализированных им конституций содержат постановления, касающиеся языка. Законы эти различны: одни исходят из принципа территориальности, другие из принципа личности, одни лишь устанавливают общие принципы, другие подкрепляются административно-юридическим аппаратом. Авторы отмечают еще один тип языковой политики — невмешательство правительственных органов в языковые проблемы, своего рода «либерализм». Они считают, что такое невмешательство по сути дела является прикрытием политики, направленной на создание преимуществ для мажоритарного языка или сохранения ситуации, выгодной для правящих кругов. В качестве примера они приводят США, считая, что отсутствие упоминания об официальном языке в конституции — не случайное упущение, а сознательный акт, имевший целью создание привилегированного положения для английского языка. Даже свободный выбор языка обучения в школе расценивается многими лингвистами как средство закрепления языкового и культурного неравноправия и вытеснения миноритарного языка.

В заключение авторы заявляют, что в настоящем его состоянии языковое обустройство — огромная и разносторонняя практика, но еще не наука. Перейдем к изложению проблем, затрагиваемых в разных статьях книги и касающихся отдельных языков.

*

Статья К. Депреза на материале нидерландского языка в Бельгии показывает пути перехода от диглоссии к уравновешенному билингвизму. Этот процесс занял более столетия. Он был связан с бурными событиями, которые подчас ставили страну на край раскола, да и теперь еще не вполне закончились.

В северной части Бельгии — во Фландрии (57 % населения) — господствует нидерландский язык, в южной — в Валлонии (32 % населения) — французский, 9,7 % жителей сосредоточены в двуязычном Брюсселе, небольшую зону на востоке страны населяют немцы.

В течение всей истории страны, даже до образования Бельгии в 1830 г. лингвистическая граница не совпадала с границами провинций или феодальных владений. В течение веков, особенно в XVI—XVIII вв., происходило офранцуживание фламандских земель. Во время голландского правления (1815—1830) шел обратный процесс нидерландизации, который сменился новой волной офранцуживания после создания бельгийского государства. Французский язык стал безраздельно господствовать во всех сферах общественной жизни, но сразу же возникло движение нидерландоязычных бельгийцев (фламандцев), так что дальнейшая лингвистическая история страны связана с их борьбой за равенство их языка с французским. Положение усугублялось функциональным неравенством языков: в то время как французский язык в XIX в. был одним из важнейших мировых языков, нидерландский во Фландрии мог иметь только местное значение, и даже фламандская буржуазия переходила на французский язык. Франкофонам представлялось естественным, что фламандцы усваивали французский язык, тогда как сами они относились к фламандскому пренебрежительно, не видя пользы для себя в его изучении.

Настойчивая борьба фламандцев за языковое равноправие привела к изданию ряда лингвистических законов. Вообще для Бельгии характерно активное языковое законодательство: за сто лет было издано более дюжины языковых законов, благодаря которым фламандцы от обязательного асимметричного двуязычия перешли к равноправному одноязычию.

Первый закон — 1873 г. — разрешил пользоваться нидерландским языком в судах, далее этот язык был допущен при общении между гражданами и учреждениями: во Фландрии все постановления местной администрации должны были публиковаться на двух языках, в то время как в Валлонии — только на французском (здесь фламандский совсем не использовался). В 1883 г. было введено преподавание на нидерландском языке в государственных школах, в 1900 г. — обязательное знание нидерландского для некоторых должностных лиц (судьи, нотариусы и т. п.), так что Фландрия получила статус двуязычия, но несоблюдение этого закона не влекло за собой никаких санкций.

Тем временем продолжалось офранцуживание Брюсселя, который географически находился на фламандской территории, и пограничных с Фландрией городов. Такое положение вызвало изменение в направлении фламандского движения. Если раньше речь шла о языковых правах индивидуума (право его пользоваться родным языком в суде, в школе

и т. п.), то теперь — о праве всего фламандского сообщества сохранять свой язык, оградить свои этнические интересы. А для этого прежде всего было необходимо установить языковую границу.

Перед страной было две возможности решения вопроса: либо введение общего индивидуального двуязычия по всей стране, либо формирование двойного одноязычия (один язык в каждой области). Развитие пошло по второму пути, в значительной мере потому, что франкоязычные валлоны, настаивая на двуязычии во Фландрии, стремились сохранить одноязычие в Валлонии. Согласно закону 1930 г., Фландрия и Валлония стали одноязычными областями. Даже во Фландрии валлоны, составлявшие в городах до 5 % населения, были вынуждены примириться с нидерландским одноязычием. Для Брюсселя и пограничных коммун был установлен двуязычный статус. В дальнейшем новая серия законов закрепила и углубила двойное одноязычие страны: было введено обязательное преподавание на языке области, в Брюсселе родной язык при записи ребенка в школу удостоверялся письменным заявлением главы семьи. В 1930 г. Гентский университет стал чисто нидерландским: французская секция была выведена из него. Так фламандский народ получил возможность формировать высшую интеллектуальную элиту на родном языке. Закон 1935 г. установил, что суд ведется на языке места суда, независимо от языковых знаний тяжущихся, в армии подготовка солдата стала проводиться на его родном языке, тогда как офицеры должны были знать оба языка.

Однако и эти решения не обеспечили полного выживания нидерландского языка: французский как более престижный все время теснил его в пограничных коммунах, тем более что лингвистическая граница должна была пересматриваться по закону через каждые 10 лет. Это не устраивало фламандцев, и по их требованию в 1962 г. языковая граница была установлена навсегда, языковая перепись запрещена, а в некоторых пограничных коммунах и вокруг Брюсселя установлены льготы для языкового меньшинства.

Так фламандцы получили языковое равноправие, которого добивались сто лет. Однако лингвистическая граница стала «межобщинным рвом», две части страны стали отделяться друг от друга, создавать свою обособленную жизнь со своими радио и телевидением, профсоюзы и партии стали делиться по языковому признаку. В конце концов это привело к федерализации страны: во Фландрии и в Валлонии имеются региональные парламенты и правительства, занимающиеся вопросами культуры, медобслуживания, экологии и т. п. Но бельгийцев особенно волнует положение Брюсселя, который остается все еще в основном франкоязычным. Чтобы как-нибудь отрегулировать положение, обе общины отказались от апелляции к численному превосходству: валлоны — в Брюсселе, фламандцы — в масштабе страны. Центральное правительство состоит из равного числа членов от обеих общин, законопроект принимается, если он одобрен квалифицированным большинством каждой области.

Опыт Бельгии показывает важность законодательства в сфере языка, хотя все решить путем подобных законов невозможно. Специфика ситуации в стране состоит в том, что более престижный язык связан с этнической группой, имеющей в настоящее время меньший вес в демографии и экономике страны, так что законы призваны охранять интересы — но различные — обеих групп: языковые интересы фламандцев и политические — валлонов.

Повышение социального статуса нидерландского языка в Бельгии ставит вопрос и о его кодификации. Основная проблема заключается в соот-

ношении его с языком Нидерландов, от которого он отличается как диалектной основой, так и большим французским влиянием. Население стоит перед дилеммой: или усвоение нидерландской нормы как более престижной, или разработка своей, фламандской, соответствующей национальному самосознанию.

Бельгийский опыт указывает еще на две стороны языкового регулирования. Прежде всего, демократизм по отношению к миноритарному языку в целом может оборачиваться антидемократизмом, принудительностью или ограничительными мерами в отношении отдельных граждан. Так, ради сохранения нидерландского языка на его территории ограничивается право франкофонов устраивать там французские школы. Чтобы сдержать процесс офранцузивания Брюсселя, одно время было даже запрещено родителям-фламандцам помещать своих детей в школы с французским языком. Второй вывод, который также нельзя игнорировать, — это большие материальные расходы, связанные с проведением языковой политики. В Брюсселе создание дополнительных дошкольных учреждений с фламандским языком и одновременное открытие новых школьных классов с французским обошлось в полмиллиарда бельгийских франков. Языковое регулирование часто создает «неудобства» для отдельных лиц: приходится изучать другой язык, т. е. многие должностные требуют двуязычия, приходится преодолевать национальный эгоизм, чувство «превосходства» своей нации и своего языка и т. п. Но в конечном счете это окупается. Хотя языковые проблемы в Бельгии окончательно не решены (в частности, языковая ситуация в Брюсселе), основное достигнуто: создано социально-политическое равновесие между двумя языками, обеспечивающее сохранение единства страны. Более того, социологи отмечают, что, освободившись от комплекса «языковой неполноценности», фламандцы все больше добровольно обращаются к французскому языку, так что, например, во Фландрии книги на французском языке читаются больше, чем в Валлонии. С другой стороны, расширение сферы функционирования фламандского языка привело к повышению его престижа в глазах франкофонов: в Брюсселе франкоязычные родители иногда отдают детей во фламандские школы. Нормальное развитие событий может привести к тому, как полагает автор статьи, что, освободившись от языковых распрей, франкоязычные и нидерландоязычные бельгийцы станут рассматривать себя как единую нацию с двумя языками, а страна в целом от двойного одноязычия перейдет к сплошному индивидуальному билингвизму.

*

Статья А. Бастардаса Боады посвящена проблемам внешнего и внутреннего обустройства каталанского языка. Десятимиллионное каталаноязычное население распределено между Испанией (96,7%), Францией (3,1%) и Андоррой (0,2%). В самой Испании выделяется четыре зоны каталанского языка: автономная область Каталония (так называемая Женералитат) охватывает более половины всего каталаноязычного населения, область Валенсия, Балеарские острова и небольшая полоса в провинции Арагон. Каталонский язык дает классический пример того, насколько положение языка зависит от историко-политических событий. Один из самых литературно развитых языков средневековья, официальный язык арагоно-каталонского королевства, он, после объединения Арагона с Кастилией, стал утрачивать свой престиж, а в 1716 г. был введен закон об обязательном употреблении в Каталонии испанского языка. В конце XIX в. начинается возрождение каталанского языка, и в 1907—1923 гг. имеет место первый

период его «обустройства» (создание современной нормы, первые опыты преподавания), который был оборван переворотом Примо де Ривера. Установление Республики в 1931 г. открыло новый этап упорядочения языка: он стал официальным языком восстановленного автономного Жeneralитата. После неудачного восстания в Каталонии в 1934 г. язык снова утратил свои функции, а после поражения Республики в 1939 г. оказался вне закона. Каталанский язык был запрещен, тысячи каталанских книг уничтожены, учителя-каталанцы были выселены за пределы провинции и заменены испанцами. Только в 1946 г. стали появляться новые публикации на каталанском языке, в 1953 г. возобновляется, в робкой форме, обсуждение проблем этого языка. После смерти Франко (1975) развертывается движение за восстановление каталанского языка.

Тем временем в демографической ситуации в Каталонии произошли важные изменения. Особенностью Испании является то, что бесправные в языковом отношении иноэтнические регионы — Каталония и Страна Басков — являлись наиболее развитыми в экономическом плане. В 1960—1975 гг. в связи с экономическим подъемом в Каталонии туда стало прибывать испаноязычное население, которое численно сравнялось с коренным, что привело к дальнейшему вытеснению каталанского языка из публичной сферы общения.

С 1978 г. начался третий этап обустройства каталанского языка. Новая испанская конституция 1978 г. признает при единстве испанского государства право национальностей на автономию, а в языковой сфере — подтверждая обязательность испанского языка для всех граждан, — устанавливает, однако, что другие языки Испании признаются в качестве официальных в соответствующих областях, и провозглашает, что этим языкам будет уделяться особое внимание и оказываться покровительство.

В Положении об автономии Каталонии оба языка объявляются официальными и равноправными на всей территории Жeneralитата. «Закон о языковой нормализации» 1983 г. допускает употребление обоих языков в любых условиях, на любых церемониях; местные законы публикуются на двух языках, в администрации и в суде граждане имеют право пользоваться любым из двух языков. В сфере образования закон предусматривает преподавание во всех школах, независимо от родного языка учащегося, обоих языков с тем, чтобы обеспечить реальное двуязычие.

В области было создано особое, подчиненное Департаменту культуры «Общее управление языковой политикой», три секции которого занимаются кодификацией языка и расширением сфер его использования в обществе. Во многих муниципальных советах создана служба содействия распространению каталанского языка, расширяется инфраструктура, необходимая для восстановления языка в публичном общении (служба перевода, культуры речи, видеотеки, библиотеки и т. п.). В Центральной школе общественной администрации Каталонии осуществляется языковая переподготовка местных чиновников. Представители центральной администрации, работающие в Каталонии, обучаются каталанскому языку. Многие некаталонцы по своей инициативе занимаются на курсах каталанского языка.

Проникновение каталанского языка в сферы, откуда он был ранее вытеснен, потребовало разработки юридической и прочей терминологии, в связи с чем создана целая сеть организаций для планирования развития языка.

В школах допущена полная свобода выбора языка при условии обязательного овладения к концу обучения обоими идиомами. Оба языка

являются и средством обучения, и предметом обучения: нередко одна часть дисциплин читается на одном языке, другая — на другом. Тысячи учителей проходят переподготовку, чтобы получить возможность вести занятия на каталанском языке. Уже 55% школ полностью или частично ведут занятия на этом языке.

Создаются смешанные комиссии, изучающие проблемы постепенной «каталанизации» общественных служб: железных дорог, телефона, аэропортов и т. п. Восстанавливается каталанская топонимия. Согласно закону 1983 г., все государственные предприятия должны оказывать услуги на двух языках. Предпринимаются шаги по внедрению каталанского языка и на частные предприятия, а также по использованию этого языка в ЭВМ. Автор статьи отмечает, что пока каталанский язык представлен главным образом вне производства, в сфере обслуживания (реклама, контакты с клиентами), но на сами предприятия он проникает медленно, особенно на те, что находятся в зависимости от фирм, размещающихся вне Каталонии.

Многочисленные общественные организации ведут борьбу за расширение функций каталанского языка. Автор утверждает, что более 98% населения охвачены этой деятельностью. Она дает известные плоды, прежде всего в моральном плане: каталонское население избавляется от комплекса «самоненависти» к родному языку, склонно к изменению ситуации в пользу этого языка. Изменилось отношение к нему и со стороны иммигрантов, которые, хотя сами и не могут объясняться по-каталански, положительно относятся к тому, чтобы их дети учились этому языку. Иммигранты удовлетворительно осваивают язык пассивно: если в 1975 г. только 25% опрошенных заявили, что не понимают каталанский язык, то через десять лет таковых почти не оказалось. В активном плане прогресс менее ощутим, и общение между каталонцами и иммигрантами осуществляется по-испански, поскольку каталонцы, как правило, двуязычны.

Расширение использования каталанского языка сталкивается с рядом трудностей. Первая заключается в самом характере языкового законодательства, которое не предусматривает обязательных принудительных мер (как, например, законодательство в Бельгии), но рассчитано больше на меры убеждения. Достаточно сказать, что в нем нет положений, касающихся использования языков в афишах, рекламе, в средствах массовой информации, на предприятиях. К этому добавляется непоследовательность самой администрации женеералитета, основным языком которого остается все же испанский. Назначение чиновников по конкурсу в рамках всей страны приводит к приезду новых групп служащих, не владеющих каталанским языком.

Другая трудность состоит в том, что сами каталонцы подчас плохо знают нормы своего языка, которые во многом еще недостаточно выработаны. Взрослое население получило образование еще при режиме Франко, когда каталанский не преподавался в школах, они не владеют письменной формой этого языка. В силу давней традиции каталонцев писать по-испански, а также ввиду большого числа иммигрантов (до 50% населения) в межгрупповой коммуникации преобладает испанский язык.

И, наконец, специфический отпечаток накладывает на ситуацию и близкая родственность двух языков, между которыми может быть установлено спонтанное взаимопонимание. Это, с одной стороны, облегчает усвоение каталанского языка иммигрантами (педагоги советуют, например, для овладения каталанским языком развивать двуязычное общение —

когда один собеседник говорит по-испански, а другой — по-каталански), переход с одного языка на другой, двуязычное параллельное обучение в школах, но вместе с тем делает этот переход менее необходимым в практической жизни. Характерное проявление этого — использование каталанцами родного языка в устной речи — и испанского — в письменной.

В целом автор приходит к выводу, что нынешняя языковая ситуация в Каталонии характеризуется диглоссией, и будущее покажет, каков будет итог следующего этапа борьбы каталанского языка за выживание, за приобретение статуса равноправия.

*

В статье К. Ротаэче анализируется нынешнее положение баскского языка в Эускади (автономной области басков) в Испании. Баскский язык представляет собой в истории удивительный пример выживания, а в настоящее время — столь же поразительный пример восстановления языка. Баскам приходится не только бороться за права своего языка, как фламандцам в Бельгии, не только разрабатывать норму языка, как каталонцам, им приходится восстанавливать свой язык как родной язык большей части населения, утратившей его. В течение столетий баскский язык, находящийся на границе Испании и Франции, подвергался «нажиму» своих более сильных соседей, зона его распространения постоянно сужалась, чему способствовала как массовая эмиграция самих басков, так и — особенно с 1940 г. — огромная иммиграция в баскские области. Во французской части Страны Басков (Северное Эускади) баскский язык не имел никаких прав и возможностей развития в силу известного «лингвистического якобинства» французских правительств в отношении всех миноритарных языков страны. Только в 1951 г. он был допущен к преподаванию, но лишь как факультативный предмет в более старших классах школы.

В испанской части Эускади, где сосредоточено подавляющее большинство этого этноса, баскский язык также находится в трудном положении. Баскского одноязычия в стране практически нет, число лиц, владеющих баскским языком, составляет 20—29% населения (по разным данным), а среди молодежи этот процент падает до 16,4. Письменной формой языка владеет на 25% человек меньше, чем устной.

До последнего времени положение баскского языка характеризовалось диглоссией. Этот язык не только был социально принижен, но и в массах оценивался как «примитивный», «бедный», «крестьянский». Единственный «светлый момент» в истории баскского языка — кратковременный период баскской автономии при Второй Республике, особенно в 1936—1939 гг., когда появились «икастолы» — школы с преподаванием на родном языке и даже Баскский университет в Бильбао. При франкизме язык поначалу был вообще запрещен, и только в 1960 г. вновь стали создаваться икастолы. После ликвидации франкизма страна получила режим автономии, и в настоящее время языковая ситуация в Эускади юридически регламентируется такими же тремя актами, что и в Каталонии: новой испанской Конституцией, Статутом автономии и Законом о языковой нормализации. Но даже сами эти документы показывают неравноправие языков: согласно Конституции, всякий гражданин Испании «обязан» знать испанский язык, но согласно Статуту автономии, граждане лишь «имеют право» знать баскский язык. Тем не менее автономное баскское правительство и общественность прилагают достойные внимания усилия для восстановления языка и расширения его функций.

Языковая политика стремится охватить прежде всего три сферы: администрацию, образование, средства массовой информации.

В баскском парламенте используются оба официальных языка, в связи с чем при нем имеется группа переводчиков: все документы публикуются на двух языках. То же касается и «Официального вестника Страны Басков». В провинциальных советах баскский язык допускается, но употребляется мало. Тем не менее отчеты о дебатах публикуются на том языке, на котором они были произнесены, либо сопровождаются резюме на баскском. Для перевода создана специальная «Служба баскского языка». Создан также специальный Институт администрации для подготовки двуязычных чиновников и разработок вопросов, связанных с переводом специальных терминов. В муниципальных советах баскский язык допускается, что предполагает двуязычие секретарей и прочего персонала. Поскольку служащие назначаются по конкурсу, требования которого разрабатываются в Мадриде, они обычно не владеют баскским, и между Мадридом и местными властями началась «война секретарей», т. е. местные власти не желали принимать на работу служащих, не знающих баскского языка. В конце концов была достигнута договоренность об учете при конкурсе знаний баскского языка.

Для введения баскского языка в школы разработаны программа подготовки баскоязычных педагогов и учебный материал. Введены два типа экзаменов на знание языка с выдачей свидетельств, необходимых для преподавания и занятия некоторых должностей. Применяются три формы двуязычного обучения: а) обучение на испанском языке с баскским в качестве обязательной дисциплины; б) распределение дисциплин: по решению руководства школы одни предметы преподаются на баскском языке, другие — на испанском; в) создание икастол — баскских школ с обязательным изучением также и испанского языка. Первая модель считается минимальной; при возможности выбора предпочитают две другие. Одновременно принимаются меры для преподавания баскского языка взрослым, тем более, что многие дети из испаноязычных семей посещают икастолы. Наряду с католическим университетом, открытым еще в 1962 г. по соглашению Франко с Ватиканом, был создан государственный университет в Витории. В 1976 г. королевский декрет узаконил Академию баскского языка, разрабатывающую общелитературную норму языка.

В производственной сфере баскский язык занимает довольно прочные позиции в сельском хозяйстве, на фермах, на небольших предприятиях. Однако достаточно присутствия одного человека, не знающего баскского языка, как все баскофоны переходят на испанский, которым они тоже владеют. Более сложно обстоит дело на крупных предприятиях, особенно частных. На некоторых предприятиях организованы курсы баскского языка, эффективность которых пока невелика. Специальная анкета показала, что баскофоны оставляют родной язык и переходят на испанский либо в первые годы обучения в школе (68%), либо в первые годы работы (22%).

Расширяются теле- и радиопередачи на баскском языке по самой разнообразной тематике. Впервые публикуются книги на баскском по различным отраслям знаний, создаются терминологические системы, но языком науки остается испанский, к которому добавляется английский.

И все же опросы показывают, что в целом баскский язык занимает миноритарное положение, его использование уменьшается по мере перехода от сферы «семья» к сфере «работа». Автор делает вывод, что пока — это язык «примарных» форм общения.

Тем не менее проделанная работа не осталась напрасной. Баскский язык выиграл в социальном престиже. Теперь уже нельзя сказать, что это — «крестьянский» язык, на этом языке теперь по телевидению обсуждаются те же проблемы, что и на испанском. Хотя многочисленные опросы показывают высокий процент лиц, начавших изучать этот язык и бросивших его, процент родителей, желающих, чтобы их дети изучали баскский язык, достигает 83%, и даже среди испанофонов — 63%. 90% опрошенных считают, что у баскского языка есть многообещающее будущее, 80% считают, что он может выражать научное содержание.

Большие трудности имеют место в связи с кодификацией баскского языка. Разрабатываемая норма далека от занимающего периферийное положение бискайского диалекта, и жители Бискайи не стремятся освоить ее. Баскское одноязычие в данный момент нереально, можно рассчитывать только на двуязычие с выученным баскским языком. Ввиду сложности языка проявляется стремление к созданию более живой, гибкой нормы, не осложненной трудными грамматическими правилами. Таким образом, кодификация баскского языка ставит вопрос о «множественной» норме.

В заключение автор подчеркивает, что в Эускади сталкиваются две линии в языковой политике: линия баскского правительства, прилагающего усилия для сокращения диглоссии и расширения билингвизма, и линия мадридского правительства, стремящегося сохранить некоторые сферы только для испанского языка. Это в свою очередь осложняет, уменьшает, а иногда и сводит на нет стимулы изучения баскского языка. Хотя этот язык не представляет угрозы для позиций испанского, некоторые политические партии, включая правящую социалистическую, ведут политику против баскского языка, противопоставляя в Эускади басков и иммигрантов.

Автор считает, что нынешние социополитические условия позволили баскскому языку достичь уровня, который уже невозможно понизить. Но судьба языка зависит от того, будет ли проводиться политика, стимулирующая устное общение на баскском языке. Нынешняя ситуация побуждает многих людей учить баскский язык, но не побуждает пользоваться им, а всякий язык живет лишь постольку, поскольку на нем говорят. И это автор опять же связывает с необходимостью создания более гибкой нормы языка: только она обеспечит свободное пользование им.

Расширение функций баскского языка идет одновременно с его восстановлением в качестве родного, с созданием единой наддиалектной формы языка. И хотя ему суждено пройти еще долгий путь совершенствования, усилия, приложенные общественностью и лингвистами за какой-нибудь десяток лет для того, чтобы поднять этот язык от уровня сельских говоров до языка современной цивилизации, не могут не вызвать уважения.

*

Положение шведского языка в Финляндии, описываемое в статье К. Лаугрена, дает пример тщательно продуманного языкового законодательства, максимально охраняющего права миноритарного языка. Языковое законодательство Финляндии считается одним из самых либеральных в западном мире.

Шведы завоевали Финляндию окончательно в XIII в.; среди шведских переселенцев было немало крестьян, что обеспечило в дальнейшем сохранение этого языка в Финляндии. Шведский язык, безраздельно господствовавший в стране в течение пяти веков, оставался основным

административным языком Великого княжества и после его присоединения к России в 1809 г. Однако в XIX в. в связи с ростом финского национального самосознания народный финский язык приобретал все большее значение. Царское правительство, стремясь ослабить шведское влияние, поддерживало распространение финского языка наряду с русским. Начиная с 1863 г. был издан ряд указов об уравнивании финского языка со шведским в администрации и в суде. Указ 1900 г. определял, что языком высшей администрации княжества и его сношений с Петербургом должен был быть русский язык. Автор статьи отмечает, что русское правительство проводило логичную и последовательную политику в области языка: русский язык на высшем уровне способствовал укреплению связи Финляндии с Россией, тогда как жители могли общаться с администрацией на любом языке. Накануне первой мировой войны шведы составляли 21,6% населения страны.

После получения Финляндией независимости усилился процесс выдвижения финского языка на первое место в стране при охране прав языка шведского меньшинства. В 1919 г. был принят конституционный закон, действующий и до настоящего времени, дополненный в 1922 г. языковым законом. В стране признается два государственных языка — финский и шведский. Шведское население, которое ныне составляет 300 тыс. человек (6% населения страны), сосредоточено в четырех губерниях на западе и юге страны, но нигде, кроме Аландских островов, оно не пользуется административной автономией. Все населенные пункты разбиты на четыре категории: одноязычные финские, одноязычные шведские, двуязычные с преобладанием финского и двуязычные с преобладанием шведского. Чтобы занимать должность чиновника в одноязычном муниципалитете, кандидат должен полностью владеть основным языком и понимать второй официальный язык, для работы в двуязычном муниципалитете он должен в совершенстве владеть основным языком и уметь письменно и устно изъясняться на другом языке.

Языковое законодательство направлено на защиту языкового меньшинства, в данном случае — шведов. Для признания муниципалитета двуязычным было достаточно, чтобы меньшинство составляло 10% населения. Три крупных города со значительным шведским населением (Хельсинки, Турку, Васа) сохраняли двуязычие, если даже меньшинство не достигало 10%. Каждые десять лет имеет место пересмотр, и, согласно данным переписям, двуязычный муниципалитет ранее мог быть объявлен одноязычным, если меньшинство сокращалось до 8%, одноязычный же муниципалитет становился двуязычным, если меньшинство достигало 12%, или, независимо от процента, не менее 5000 человек. В 1962 и 1975 гг. были приняты дополнительные меры по защите меньшинства: муниципалитет сохранял двуязычный статус при 8% меньшинства или при 3000 представителей соответствующего языка.

Специфическое положение сохраняется на Аландских островах, особый статус которых определяется международными соглашениями. Здесь шведы составляют 98% населения, их язык является единственным официальным языком архипелага, ограничена иммиграция финнов на эти острова, без разрешения муниципалитета финский язык там не может преподаваться. Вообще в Финляндии избегают искусственного смешения населения: 500 000 переселенцев с территорий, отошедших после войны к СССР, были расселены исключительно в финноязычных районах. Законы обеспечивают выживание шведского языка в Финляндии. Для Финляндии шведский язык имеет и важное внешнеполитическое значение:

он выступает как мост, соединяющий ее со скандинавскими странами. Автор отмечает, что межэтнические отношения в стране хорошие, хотя имеются элементы скрытой враждебности к шведскому языку у части финского населения, которая традиционно видит в нем язык высшего слоя населения (доля лиц умственного труда, коммерсантов, инженеров среди шведского населения относительно выше).

Законы и постановления публикуются на двух языках. Обсуждения в парламенте идут на обоих языках (бывали случаи, когда депутат от Аландских островов нуждался в переводчике, поскольку не понимал финского языка). В Совете Министров и в парламентских комитетах используется финский язык. В армии языком командования является финский, но новобранец направляется в соответствующую воинскую часть, где проходит подготовку на родном языке.

В отношении муниципалитетов нет подробного законодательства: языковые вопросы решаются ими самими. Муниципалитеты используют языки согласно упомянутой выше четырехчленной классификации, но для каждой должности они сами принимают правила пользования языками в пределах своей территории. Кандидат на должность обязан сдать экзамен на знание языка в объеме, соответствующем статусу муниципалитета. Муниципалитет определяет, какие документы переводятся на язык меньшинства, но каждый гражданин имеет право запросить перевод документа на свой язык.

Школьная система в стране дву-одноязычная, т. е. школы являются или финскими, или шведскими. Профессиональное обучение дается раздельно двум языковым группам. Одноязычны и детские сады, но работники библиотек должны знать два языка. До 1960 г. второй язык в школе был обязательно вторым государственным. Ныне он обязателен в старших классах начальной школы, тогда как в средней школе разрешен выбор языка. Почти все шведские учащиеся выбирают финский язык, в то время как 90 % финских — английский. Высшее образование также дифференцировано по языкам. Университет в Турку (Або) пользуется исключительно шведским языком. В Хельсинкском университете административным языком является финский, но профессора должны понимать и шведский, так что студент имеет право сдавать экзамен и на этом языке. Политехнический институт в Хельсинки работает на двух языках, зато Коммерческая школа — только на шведском.

* Средства массовой информации используют оба языка, причем автор указывает, что число газет и журналов, выходящих на шведском языке, непропорционально велико.

Топонимика определяется согласно статусу муниципалитета, но в международном общении (например, в паспортах) представлен только финский язык. Этикетирование продуктов законодательно не уточняется, но многие товары снабжены шведскими этикетками, поскольку они экспортируются в Швецию.

Более сложно положение шведского языка в экономике, на предприятиях, тем более что точного законодательства на этот счет не имеется. Только законом 1979 г. было установлено, что на предприятии информация, касающаяся зарплаты и правил безопасности, должна даваться и на языке меньшинства, если оно достигает 10 % работающих. Банки и страховые компании двуязычны. На предприятиях большинство финнов пользуется финским языком, но лишь четвертая часть шведов использует только шведский язык.

Демография действует не в пользу шведского языка. Процент шведов в больших городах уменьшается. Смешанные браки среди шведского населения достигают 40%, 60% детей от этих браков избирают финские школы. Хотя в шведскоязычных муниципалитетах финны вынуждены пользоваться шведским языком, в целом знание финского языка для шведов становится все более необходимым.

Для шведского языка в Финляндии актуальна и проблема внутренней кодификации. Основная тенденция — сближение с литературной нормой Швеции — сталкивается со все возрастающим влиянием местных шведских диалектов на западе страны. В стране существует Научно-исследовательский институт национальных языков с двумя бюро: финским и шведским. Они дают рекомендации по терминологии, культуре речи и т. д.

Автор статьи считает, что в целом в Финляндии языковое положение, несмотря на численное и функциональное различие между двумя языками, можно рассматривать как билингвизм: язык меньшинства (шведский) применяется во всех сферах, вплоть до высших органов власти, пользуется серией оградительных мер. Автор делает вывод, что люди к проблеме языка относятся без излишних эмоций: в этой сфере теперь (в отличие от 1920—1940-х гг.) не наблюдается какой-либо напряженности. Этому способствует демократическое законодательство, оказывающее особое покровительство миноритарному языку. Можно добавить, что этому способствуют и два других обстоятельства: язык меньшинства пользуется в обществе исторически сложившимся престижем, и, что также важно, языковая ситуация сравнительно несложна — речь идет всего о двух языках примерно одинаковой значимости в международном плане.

*

Квебекский опыт языкового обустройства, описанный в статье Ж. Морэ, интересен в двух отношениях: во-первых, в качестве миноритарного здесь выступает язык с большим культурным и международным престижем (французский), во-вторых, этот опыт ясно показывает, какие сферы являются определяющими для сохранения и продвижения языка.

Как известно, основная проблема Квебека заключается в выживании французского языка в окружении английского. 98% франкоязычных канадцев сосредоточено в провинции Квебек, где процент этого населения достигает 80%. Пакт Конфедерации 1867 г. декларировал англо-французское двуязычие в канадском парламенте, право пользования любым из двух языков в судах, входящих в федеральную компетенцию, а также устанавливал двуязычие в провинции Квебек. Проблемы образования передавались в компетенцию провинциального правительства, так что в Квебеке было две сети школ: католических (французских) и протестантских (английских). Постепенно поборникам французского языка удалось добиться того, что этот язык стал использоваться на почтовых марках, денежных знаках и т. п., но эти символические акты не могли приостановить постоянного сокращения сферы действия французского языка, который не только исчезал фактически в других провинциях, но и в самом Квебеке занимал приниженное положение. Языковая ситуация была параллельна социоэкономической: франкоканадцы находились в менее привилегированном положении по сравнению с англоканадцами; даже в Квебеке они получали зарплату в среднем на 35% меньше, чем англо-

канадцы, они не имели шансов попасть на высшие должности в армии или администрации, основной капитал в провинции принадлежал англо-канадцам. В последние годы, в связи с индустриализацией и урбанизацией Квебека, начинается подъем социально-экономического положения франкоканадцев, вследствие чего обостряется и языковой вопрос. Перед лицом растущего национального движения франкоканадцев, доходившего порой до сепаратистских настроений, канадское правительство создало в 1963 г. «Королевскую комиссию по изучению билингвизма и бикультурализма», которая констатировала, например, что по уровню жизни франкоязычные квебекцы занимали 12-е место в стране, перед итальянскими иммигрантами и индейцами. Целый ряд факторов обострил борьбу франкоканадцев, и в частности квебекцев, за свой язык: засилье английского языка в экономике, уменьшение франкоязычного населения в Квебеке, ассимиляция франкоканадцев, переход иммигрантов с французского языка на английский.

В 1969 г. парламент принял «Закон об официальных языках Канады», который относится только к самому парламенту и зависящим от него органам. В том же году впервые в Квебеке принимается закон по вопросам языка — «Закон о развитии французского языка в Квебеке», за ним последовал «Закон об официальном языке» (1972 г.) и, наконец, «Хартия французского языка», называемая также «Закон 101» (1977 г.). Еще раньше при правительстве провинции был создан совещательный орган «Комитет (office) французского языка»; согласно «Закону 101» было сформировано еще четыре органа: комиссии по топонимике, по наблюдению над французским языком, по введению французского языка на предприятиях и Совет французского языка. В 1983 г. в Хартию были введены изменения, направленные на защиту интересов англоязычного населения Квебека. Это законодательство привело к тому, что языковой вопрос в Квебеке, который нередко приводил к бурным событиям и даже вызвал поражение некоторых партий и правительств в этой провинции, утратил в значительной степени свою остроту.

В некоторых случаях квебекские законодатели заходили слишком далеко. Так, глава третья Хартии объявляла, что только французский текст имеет законную силу в провинции и что юридические лица обязаны пользоваться только французским языком. Эта глава была отменена Верховным Судом Канады как противоречащая конституции страны. Был также восстановлен билингвизм в законодательстве и суде.

Согласно «Хартии французского языка», все административные службы в Квебеке именуются по-французски, в сношениях с правительствами других провинций и с юридическими лицами администрация использует только этот язык. Внутри провинции все административные службы пользуются только французским языком, знание которого обязательно для назначения или продвижения по службе любого чиновника. Договоры, объявления, исходящие от администрации, составляются по-французски.

В сфере медицинского обслуживания и страхования служащий может избирать любой язык при оформлении дела, но провинциальные службы имеют право потребовать употребления только французского языка или наличия резюме на этом языке. Объявления, афиши, вывески составляются по-французски, кроме населенных пунктов со значительным английским населением, где допускается двуязычие. Администрация общается с юридическими лицами на французском языке, но с физическими лицами — и на английском.

Защитники французского языка в Квебеке стремятся обеспечить сохранение этого языка и вынудить каждого пользоваться им. Поэтому особое внимание уделяется его использованию, помимо административных органов, в трех сферах: во внешнем оформлении городов, в преподавании и в экономике, включая производство.

Как отмечалось выше, реклама публикуется на французском языке, английские варианты объявлений и указателей даются, если только это необходимо для безопасности граждан, топонимика меняется на французский лад.

Что касается образования, то в провинции имеются одноязычные французские или английские школы. Первоначально закон 1969 г. допускал свободный выбор языка обучения при условии, что дети получали достаточную подготовку на французском языке. Это положение, одобренное англофонами, не удовлетворило франкофонов, которые увидели, что многие франкоканадцы стали отправлять своих детей в английскую школу, поскольку английский язык открывал более широкие жизненные перспективы. Поэтому в дальнейшем в это постановление были введены коррективы: франкофоны обязаны отправлять детей во французские школы, в английскую школу имеют право поступать лишь дети тех, кто сам получил начальное образование на английском языке. Иммигранты, поселяющиеся в Квебеке, обязаны отдавать детей во французскую школу. Благодаря этим мерам контингент учащихся в английских школах снизился за семь лет с 16,6% до 11,8%. В частные школы учащиеся поступают по выбору. Как видно, принудительный характер языка обучения в Квебеке сходен с тем, что имело место в Брюсселе. В университетском образовании предоставляется полная свобода выбора языка.

Большая работа по офранцуживанию осуществляется и в сфере профессионально-производственной. В сорока профессиональных ассоциациях (агрономы, адвокаты, дантисты, инженеры и т. д.) требуется определенный уровень знания французского языка, в частности, от иммигрантов. Знания языка удостоверяются аттестатом после сдачи экзаменов по программе, разработанной «Комитетом французского языка». Представители этих профессий обязаны общаться с фирмами на французском языке, с отдельными людьми — могут на любом. Товарные этикетки составляются обязательно на французском языке, но допускается и дублирование на другой.

Особое внимание уделяется использованию французского языка на предприятиях, и это не случайно: законодатели отлично понимают, что именно здесь, так же, как и в школе, решается судьба языка. Как правило, в Квебеке франкофоны занимают менее престижные должности, чем англофоны, имеют меньшие оклады. Еще в начале 1970-х гг. французский язык на производстве рассматривался как язык непрестижный. «Комитет французского языка» вплотную занялся проблемой внедрения французского языка на предприятия. Первые опыты показали, что офранцуживание предприятия может проводиться без всякого ущерба для производства. Однако при этом возникают социопсихологические проблемы, связанные, в частности, с нежеланием менять что-либо. Было также установлено, что процесс офранцуживания следует начинать с более крупных предприятий, которые автоматически «потянут» за собой менее крупные.

Первый этап «офранцуживания» предприятия — составление его «языковой карты». «Хартия французского языка» обязывает все предприятия с числом рабочих более 50 заполнить вопросник об использовании фран-

цузского языка, в котором содержатся такие пункты, как внутреннее общение, собрания, письменная документация, объявления, учебные пособия и т. п. Затем предприятие получает от «Комитета» программу, предусматривающую овладение французским языком руководителями предприятия, увеличение во всех звеньях управления числа лиц, знающих этот язык, использование его в документации, каталогах, в общении с клиентами, поставщиками, публикой, применение французской терминологии, употребление этого языка в рекламе, в политике найма и продвижения по службе. «Офранцузивание» не затрагивает правлений фирм, научно-исследовательских институтов и предприятий федерального подчинения, которые, однако, должны соблюдать закон о двуязычии. Возможно достижение специального соглашения с «Комитетом» об отступлениях от правил пользования французским языком. Предприятие получает удостоверение, которое свидетельствует, что его документация переведена на французский язык и что его руководящие работники могут пользоваться этим языком. Однако нередко «офранцузивание» остается только на бумаге, ибо самый трудный его аспект — повседневное использование языка в повседневной работе — с трудом поддается учету. Но все же намечается некоторый прогресс: процент франкофонов, пользующихся на производстве только французским языком, вырос в 1971—1979 гг. с 66 до 70, а в Монреале — с 48 до 55. В Квебеке постоянно проводятся обследования на предприятиях и среди представителей разных специальностей с целью выявления изменений в использовании французского языка. В целом число франкофонов на руководящих должностях возросло в 1964—1979 гг. с 50% до 63%, но этого еще недостаточно: на высших постах в экономике находятся по-прежнему англофоны. Особенно рентабельно знание английского языка на предприятиях, ориентированных на внешние связи. Франкофон, знающий английский язык, зарабатывает больше, чем тот, который им не владеет. В статье приводятся данные о росте употребления французского языка в разных отраслях.

Англоканадцы в Квебеке рассматривают себя как меньшинство. «Хартия французского языка» вызвала у них отрицательную реакцию, за 5 лет (1977—1981) более 130 тыс. англофонов покинуло Квебек, что несколько настораживает и франкофонов, т. к. перевод английских фирм из Квебека приводит к потере рабочих мест. Был создан «Альянс-Квебек», защищающий права англофонов, которые хотят, чтобы было признано их право иметь свои больницы и учреждения социального обеспечения.

В Квебеке существует и проблема языков «третьего яруса». К ним относятся языки иммигрантов и аборигенов. Иммигранты, обязанные учить французский язык, все же получают некоторые привилегии: была учреждена больница с итальянским языком, дом для престарелых с польским. Аборигены — америнды и иннуиты (эскимосы) — имеют право пользоваться своим языком, создавать свои школы, но они обязаны изучать французский язык, который власти Квебека стремятся сделать языком межэтнического общения в провинции, хотя английский составляет ему конкуренцию в этом плане.

«Офранцузивание» в Квебеке требует определенных расходов, которые, например, в 14 фирмах составили 0,1—0,5% годового бюджета фирмы. Однако у франкофонов отмечают рост творческого отношения к работе, производительности труда, удовлетворенности работой, так что следует признать, что «офранцузивание» рентабельно не только в культурно-языковом, но и в чисто экономическом отношении. Расходы по языковому обустройству в Квебеке составили 53 млн. долларов — 10% от бюджета

провинции. В целом наблюдается некоторое улучшение в положении французского языка: ситуация от диглоссии понемногу переходит к билингвизму. Но, как считает автор, положение пока не является необратимым.

Для Квебека актуальна и проблема языкового стандарта. Хотя европейский французский продолжает оцениваться как наиболее престижная форма языка, ему противостоят литературный франкоканадский и разговорный язык франкоканадцев, так называемый «жуаль» (joual).

*

Языковая ситуация в Югославии, обрисованная в статье Р. Бугарского, значительно отличается от тех, что были изложены выше. Если в рассмотренных ранее ситуациях «задействованы» только два языка (нидерландский и французский, каталанский и испанский, баскский и испанский, шведский и финский, французский и английский), причем один из них является миноритарным, а другой — мажоритарным, то в данном случае речь идет о многоязычии, о сосуществовании нескольких языков. Кроме того, если во всех описанных выше ситуациях современное языковое обустройство явилось результатом постепенных изменений, растянувшихся на десятилетия и даже века, то у истоков нынешней языковой ситуации в Югославии лежит единичный акт, меры, намеченные и принятые в момент самого образования СФРЮ, к тому же эти законодательные постановления имели целью обеспечить максимальные свободу и демократизм в языковой сфере.

Югославская конституция различает два понятия: «нация» — автономный этнос, и «национальность» — этнос, основная часть которого находится за пределами страны. К нациям относятся сербы, хорваты, черногорцы, «мусульмане» (жители Боснии и Герцеговины), словенцы, македонцы. Каждая нация образует республику в составе федерации. Первые четыре пользуются вариантами сербскохорватского языка, словенцы и македонцы говорят на языках, близких к сербскохорватскому. К национальностям относятся албанцы, венгры, турки, словаки, румыны, русины, болгары, итальянцы, украинцы, чехи и другие. Первые две наиболее крупные национальности населяют автономные области Косово и Воеводину в составе Сербии.

В стране провозглашено юридическое равноправие языков. Конституция перечисляет языки наций и национальностей, но не называет никаких официальных или государственных языков в масштабе федерации. Она предоставляет решение языкового вопроса на усмотрение республик. Так, в Косово признаются три официальных языка: албанский, сербскохорватский и турецкий, в Воеводине — пять: сербскохорватский, венгерский, словацкий, румынский, русинский. В свою очередь конституции республик передают коммунаам право объявлять на их территории те или иные языки в качестве официальных. Языковое законодательство в целом весьма сложно; например, в Воеводине действует более 20 языковых законов, нарушение которых влечет за собой санкции. Учреждения и предприятия, расположенные на смешанных территориях, также имеют свои собственные регламенты, касающиеся пользования языками.

Языковые установления в стране весьма демократичны: любой гражданин может пользоваться своим языком, независимо от его численной значимости, в администрации, в суде, на собраниях. Организации и учреждения могут обращаться в федеральные инстанции на любом из языков,

признанных официальными в данной республике, и получать ответ на том же языке.

Однако юридическое равенство не означает, естественно, функционального равенства. Так, сербскохорватский язык, на разных вариантах которого говорит 75% населения, не имея статуса государственного, является фактически межэтническим средством общения по всей стране. Он — официальный язык в четырех республиках, кроме Словении и Македонии. Следовательно, знание сербскохорватского языка практически обязательно на уровне федерации, но не обязательно на уровне республики и тем более коммуны (там, где он не является официальным).

Акты федерального правительства публикуются на семи языках: трех вариантах сербскохорватского, словенском, македонском, албанском и венгерском. Выступления в Скупщине допускаются на всех этих языках, причем обеспечивается перевод. Международные договоры могут заключаться на любом федеральном языке, после чего составляются копии на других языках федерации. Глава делегации может пользоваться языком по своему выбору.

В армии командование и обучение осуществляются на сербскохорватском языке, но в культурно-просветительной работе и в политобучении используются родные языки солдат. Части территориальной армии пользуются местными языками.

На уровне республик и областей также организована служба перевода письменных документов и устных сообщений. Например, в Воеводине вся документация воспроизводится на пяти языках области. Такой же принцип действует и в коммунах, что, разумеется, приводит к дублированию делопроизводства.

Пресса, радио, телевидение используют десять языков. Обучение в школах ведется на 14 языках (включая украинский, немецкий, цыганский). Университетское образование дается на всех федеральных языках; например, в Приштине (Косово) преподавание ведется на албанском языке. Общая цель обучения в сфере языка — обеспечить жизнь многоязычного общества через индивидуальное двуязычие. Поскольку, как пишет автор, югославская языковая модель отвергает идею превосходства языков, двуязычие должно быть обоюдным, и каждого в условиях многоязычия обязывают изучать какой-либо другой язык страны. В частности, сербы, живущие в районах национальных меньшинств, обязаны изучать местный язык. Существуют три формы обучения: на родном языке, на двух языках и на неродном языке. Наиболее распространена вторая модель, когда разноязычные дети учатся в одной школе, но в разных группах. При обучении на языке меньшинства в республике учащиеся изучают один из трех языков страны: сербскохорватский, словенский или македонский. В иных случаях дети учатся на неродном, но более распространенном языке, особенно в старших классах школы или в университете. Автор считает, что в дошкольных учреждениях следует сохранять обучение, раздельное по языкам, но обучение в школе только на родном языке меньшинства может создавать «культурно-социальное гетто», так что на этом этапе не следует делить учащихся по языкам.

На производстве используются все упомянутые в конституции языки. Предприятия имеют право переписываться с другими учреждениями на своем языке, поэтому при них имеются переводчики.

Несмотря на общий демократизм в языковой политике, в стране наблюдаются явления напряженности в межкультурных отношениях. Например, Словения представляет собой наиболее развитую в культурном и эконо-

мическом отношении область, это привлекает туда большое число мигрантов. Эти мигранты отказываются изучать словенский язык — официальный язык республики, во-первых, потому что языки близки между собой, и, во-вторых, потому что словенцы, как правило, владеют сербско-хорватским. При этом они требуют признания своего языка в качестве одного из официальных языков республики. Словенцы опасаются за судьбу своего языка и настаивают на более широком его использовании в масштабе федерации. В Косово, напротив, в связи с ростом албанского шовинизма нуждается в защите сербский язык.

Автор статьи считает, что в стране в принципе создана подлинно демократическая система двуязычия и многоязычия, которая, однако, на практике ограничивается в силу многих психологических и организационно-технических факторов. Двуязычие асимметрично: оно развито более всего среди малых национальностей и менее всего среди носителей сербскохорватского языка.

Языковое равенство сталкивается и с техническими сложностями: приходится все — от правительственных актов до дорожных знаков и этикеток — дублировать на нескольких языках, что ведет к значительному перерасходу средств. Не хватает переводчиков, техники. Организационные трудности усугубляются тем, что, как полагает автор статьи, центральное правительство в языковом вопросе проводит недостаточно активную политику, передоверив языковое регулирование полностью правительствам республик и областей. Автор выступает за создание при центральном правительстве федерального органа по языковому обустройству страны.

Автор считает, что югославский опыт действительно подтверждает, что языковое равноправие может функционировать ценой больших усилий, но также и при том условии, что одному из языков — пусть даже неофициально и с определенными ограничениями — отводится первое место.

*

В статье Б. Эрнудда затрагиваются некоторые вопросы языкового строительства в развивающихся странах. Он анализирует меры, которыми пользуются в разных странах для внедрения местного языка в общественную жизнь, в администрацию. Например, в индийском штате Андхра-Прадеш обязательным языком в администрации объявлен телугу и составленный по-английски документ должен сопровождаться переводом на этот язык.

Автор считает, что общество должно решать вопрос как о выборе официального языка, так и о сохранении того или иного языка. Вместе с тем языковые барьеры в обществе отнюдь не неизбежны: когда это необходимо, процесс овладения официальным или признанным в данном обществе языком не представляет собой непреодолимого препятствия для рядовых граждан.

Автор касается материальных и психологических аспектов проблемы языкового обустройства. Вопрос стоит так: следует ли заставлять нынешнее поколение приносить себя в жертву и оплачивать реализацию программы по развитию языков, которая может быть полезной лишь для будущих поколений. Однако надо различать интересы индивидуума (который лично может быть не заинтересован в возрождении такого-то языка) и интересы этнолингвистического сообщества, которое несомненно нуждается в целом в упрочении своего языка. Надо взаимоувязывать деятель-

ность государственных органов и общественных организаций. Многие расходы по языковому строительству, представляющие дополнительную нагрузку для государственного бюджета, национальные языковые организации могут взять на себя или осуществлять соответствующие задачи безвозмездно, сознавая коллективный интерес нации. Со своей стороны государство может облегчить развитие миноритарного языка, создавая должности с обязательным знанием этого языка в администрации и систем обучения.

*

Заключительная статья монографии — Ж.-К. Корбея — содержит опыт сопоставления политики языкового обустройства в разных странах. Он останавливает свое внимание на трех проблемах: многоязычии, стандартизации (нормализации литературного языка) и понятии языкового обустройства. Наибольший интерес представляет для нас здесь типология первого аспекта проблемы.

Многоязычие, подчеркивает автор, образуется всякий раз тогда, когда на одной территории сосуществует несколько языков. Если сосуществование превращается в конкуренцию, сопровождаемую или стимулируемую межэтническими отношениями, различиями религий и экономическими проблемами, когда люди хотят сохранить и утвердить свой язык, возникают напряжения в языковой сфере, для которых нужно найти реалистическое решение.

Во всех странах, где возникают подобные проблемы, считает автор, ставятся одни и те же вопросы: нужно ли сохранять все языки, какие языки следует выбрать, какой юридический статус следует дать каждому языку, сколько это будет стоить, какие последствия принимаемые решения будут иметь для будущего страны, как контролировать проведение в жизнь принимаемых решений? При выборе языков возникает два вопроса: какой язык избирается в качестве средства общения в масштабе всего государства и каким языкам вообще придается официальный статус в рамках определенной территории?

Выбор общего «привилегированного» языка должен опираться на выраженный или молчаливый консенсус всего общества. Он должен быть закономерен в глазах других этносов, подкрепляться численностью этноса — носителя общего языка, его ролью в историческом развитии, культуре, экономике данной страны, важен также и уровень развития языка, его литературной обработки.

Автор выделяет четыре типа соотношения между официальными языками и территорией:

- а) только один язык на всей территории: французский в Квебеке;
- б) несколько языков имеют одинаковый статус в стране; возможны два варианта:

— признанные официальные языки имеют разные функции, например, английский и французский в Канаде равноправны только в федеральных инстанциях, но не в провинциальных;

— каждый язык употребляется на определенной территории; такой территориальный принцип действует в Бельгии;

в) устанавливается различие между официальными и национальными языками. В Швейцарии первых — три, вторых — четыре. Это различие имеет место во многих странах Африки (государственный или официальный язык — европейский, национальный — местный);

г) нет официально установленного языка; таково положение в США, где английский является общим языком лишь де-факто. Некоторые штаты объявили официальное англо-испанское двуязычие, другие — английское одноязычие.

Официальный статус часто не совпадает с реальным положением дел. В Югославии нет официального общего языка, но такую роль фактически выполняет сербскохорватский язык. Квебек провозгласил французское одноязычие, но на деле он двуязычен: английский язык допускается в различных сферах (школы, муниципальная администрация) для англоязычного меньшинства провинции, он используется также во внешних сношениях Квебека. В других случаях провозглашается двуязычие, но на деле имеет место одноязычие.

Соотношение между юридическим статусом языка и его реальным положением нестабильно, изменчиво, языковое обустройство находится в вечном движении, полно компромиссов. С одной стороны, оно стихийно направлено в пользу социологически привилегированного языка, с другой, представители миноритарного языка все время ревниво относятся к своим правам, что может вызывать раздражение у представителей мажоритарного языка.

Многоязычие — обыденное явление в современном мире, но трудность заключается в организации его таким образом, чтобы принимаемые решения пользовались всеобщей поддержкой и гарантировали бы языковой мир в стране.

В заключение автор еще раз касается определения понятия языкового обустройства, которое, по его мнению, включает два аспекта практического характера (реальное положение языков в стране; сознательное вмешательство государства или отдельных групп в языковую ситуацию) и два — теоретического (изучение и описание фактов многоязычия; теоретическая разработка языкового планирования). Автор считает, что современная социолингвистика не раскрывает в надлежащей мере вопросы, связанные с языковым обустройством, и приходит к выводу о необходимости создания особой науки, касающейся этих проблем и не разделенной между лингвистикой и социологией.

*

Можно согласиться с Ж.-К. Корбеем, что анализируемая книга показывает разрыв между фактами, относящимися к обустройству языка, и социолингвистической теорией. Но вместе с тем она дает богатый материал для теоретического осмысления, в частности для разработки типологии, отражающей разнообразные ситуации многоязычия. Ситуации многоязычия чрезвычайно разнообразны, проводимая языковая политика также сильно разнится от одной страны к другой. Но в целом в этой ситуации и в этой политике можно выявить ряд аспектов, носящих универсальный характер. Представляется возможным определить типологию состояний и решений по каждому из этих аспектов. Совокупность этих «типологий аспектов» и определяет конкретную ситуацию многоязычия в каждой отдельной стране. Наиболее существенными из этих аспектов являются: А. Общий тип двуязычия; Б. Язык и территория; В. Тип законодательства; Г. Демографическая ситуация; Д. Оценочный статус языков; Е. Функции языка в обществе; Ж. Кодификация языка.

А. Общий тип многоязычия. Здесь выделяются три основных типа:

— **сплошное индивидуальное многоязычие.** Такое явление наблюдается в Люксембурге, где при родном немецком диалекте населения формируется на основе школьного обучения знание двух литературных языков: французского и немецкого. Этот тип многоязычия возможен преимущественно в небольшой стране, этнически однородной;

— **множественное территориальное одноязычие** (при многоязычии центральных органов страны). Классическим примером такого многоязычия является Швейцария, где в каждой из трех зон страны с жестко фиксированными границами официальным является только один язык, родной для данного населения (немецкий, французский, итальянский), тогда как в федеральные органы допускаются все три языка. Такое территориальное одноязычие дополняется широким индивидуальным двуязычием (например, французского и немецкого языков). Подобное решение возможно при небольшом числе языков и их примерном социально-культурном равенстве. К такому типу приближаются в настоящее время и Бельгия, отчасти Канада.

— **асимметричное двуязычие:** двуязычие в одной части страны (обычно меньшей), где жители владеют как миноритарным, так и мажоритарным языками, и одноязычие в другой части, где население владеет только мажоритарным языком. Такое положение имеет место в Испании, в Финляндии, в Югославии; против такого положения ведут борьбу франкофоны Квебека и фламандцы в Бельгии. Асимметричное двуязычие создает большую угрозу для будущего миноритарного языка, чем два других типа.

Эти три основных типа могут иметь дополнительные модификации:

— **«перевернутое» асимметричное двуязычие,** возникающее тогда, когда на территории миноритарного языка находятся значительные группы мажоритарного. В этом случае представители языкового большинства оказываются на положении меньшинства в данном регионе. Такая ситуация часто создается вследствие массовой иммиграции носителей мажоритарного языка на территорию языкового меньшинства. Она наблюдается в Каталонии по отношению к испанофонам, в Словении для мигрантов — носителей сербскохорватского языка, в Квебеке для англофонов. При этом может возникать языковая напряженность, т. е. местное население, обычно двуязычное, настаивает на овладении его языком представителями мажоритарного языка, которые уклоняются от этого, ибо их язык является языком межэтнического общения;

— **«многоярусное» многоязычие.** Оно наблюдается, когда на миноритарной территории находятся группы третьего языка. Например, в Республику Сербия входит албаноязычная автономная область Косово, на территории которой живут также турки. Наличие языков «третьего яруса» весьма осложняет ситуацию в целом, миноритарный язык выступает как мажоритарный по отношению к этим языкам со всеми вытекающими отсюда проблемами. Носителям языка «третьего яруса» приходится овладевать тремя языками: родным, языком области и языком всей страны.

Б. Язык и территория. Основная оппозиция — наличие или отсутствие территориальных границ у миноритарных языков. Во всех рассмотренных случаях такие границы имеются. Не имеют часто территориальных образований языки третьего яруса (например, языки иммигрантов и аборигенов в Квебеке), мажоритарные языки на территории миноритарных (английский в том же Квебеке). В этих условиях двуязычие нередко ограничивается личным двуязычием. Признанная территория распро-

странения миноритарного языка, как показывают факты, организуется одним из трех способов:

- она может представлять собой историческую область либо административную единицу с разной степенью автономии (республики и автономные области в Югославии, Каталония и Эускади в Испании, Квебек в Канаде, Аландские острова в Финляндии);

- она может формироваться как следствие установления языковых границ (языковые области в Бельгии);

- она может представлять собой вкрапления на уровне отдельных населенных пунктов, небольших районов (муниципалитеты в Финляндии, в Югославии).

Федерализация может предшествовать языковому обустройству (Канада), но может и стать его следствием (Бельгия).

Существенным параметром является соответствие административной единицы и территории, реально занимаемой миноритарным языком. Здесь возможны три случая (если отвлечься от мигрантов):

- языковая и административная территория совпадают (в Бельгии, в Югославии); это наиболее благоприятный случай для решения языковых проблем;

- языковая территория шире административной; например, французский язык в Канаде представлен, помимо Квебека, в провинциях Нью-Брансуик, Онтарио и других. В Испании каталанский язык, кроме Жене-ралитата, распространен в области Валенсия, в Арагоне. В этом случае носители миноритарного языка за пределами основной территории вынуждены вести параллельную борьбу за сохранение своего языка, добиваясь двуязычия для данной административной единицы (как франкофоны в Нью-Брансуике, каталонцы в Валенсии); в противном случае, если их численность невелика, они обречены на ассимиляцию (франкофоны в Онтарио);

- языковая территория меньше административной, как, например, в Стране Басков, где баскский язык распространен лишь в части страны. В этом случае языковые проблемы осложняются, т. к. многочисленное мажоритарное население не нуждается в изучении данного миноритарного языка.

Другие стороны территориально-языкового вопроса:

- лингвистические границы либо могут меняться (например, языковой статус населенных пунктов в Финляндии изменяется в соответствии с данными переписи), либо остаются неизменными (как лингвистическая граница в Бельгии);

- территория может быть однородной либо неоднородной в языковом отношении. Во втором случае языковое обустройство сталкивается с дополнительными трудностями, что ясно видно на примере Бельгии: в то время как в одноязычных Фландрии и Валлонии языковая проблема в целом получила разрешение, положение двуязычного Брюсселя остается сложным.

В. Тип законодательства. Основная оппозиция: в стране отсутствует законодательство в языковой сфере либо имеется более или менее разработанное законодательство. Во всех рассмотренных в книге шести случаях существуют языковые законы и постановления. Можно отметить следующие дополнительные аспекты проблемы:

- законодательство может либо разрабатываться постепенно, охватывая целые десятилетия (как в Бельгии), либо быть результатом единичного акта в связи с созданием государства, принятием конституции (Фин-

ляндия, Югославия) при возможности дальнейших предшествующих или последующих законов и уточнений;

— законодательство может устанавливаться на различных уровнях. В Бельгии оно осуществляется на самом высоком общегосударственном уровне; в Югославии, напротив, союзная конституция не содержит положений, касающихся языкового обустройства, вопрос передан на усмотрение республик и местных органов власти; в Испании — языковое законодательство осуществлено на трех уровнях (конституция страны, статуты автономных областей, постановления местных органов власти);

— законодательство может предусматривать различную степень обязательности постановлений: оно является более жестким в Квебеке, в Бельгии, менее императивным в Каталонии.

Г. Демографическая ситуация. Здесь речь идет о лингво-этнической однородности населения. Отмечаются две тенденции:

— усиление однородности населения, которое происходит вследствие перехода части миноритарного этноса на мажоритарный язык, а также в результате выезда из данной области иноязычных групп населения (например, выезд англофонов из Квебека; из Финляндии выехало в Швецию несколько десятков тысяч шведов). Для обеспечения языковой однородности осуществляется перевод учреждений и учебных заведений (например, французской части Гентского и Лувенского университетов в Бельгии, финского отделения из университета в Турку);

— уменьшение однородности населения вследствие притока мигрантов. Последние могут быть двух категорий: представители мажоритарного языка (испанцы в Каталонии, носители сербскохорватского языка в Словении) либо иммигранты из других стран (итальянцы в Квебеке). В обоих случаях возникают дополнительные языковые проблемы.

В некоторых странах с жесткими лингвистическими границами языковая однородность обеспечивается тем, что иммигранты из других стран обязаны изучать данный язык. Интересы лингвистического меньшинства принимаются во внимание либо на всей данной территории, либо только в отдельных населенных пунктах (Бельгия).

Д. Оценочный статус языков. Здесь различаются билингвизм и диглоссия. Равноправный билингвизм достигнут в Швейцарии, близко к нему соотношение финского и шведского в Финляндии, к нему стремится нидерландско-французская ситуация в Бельгии, французский язык в Канаде. Равноправие языков на уровне республик и областей имеет место в Югославии. Состояние диглоссии свойственно миноритарным языкам в Испании, но их статус постепенно повышается.

Пониженное состояние миноритарных языков создавалось двояким образом: ненасильственно, в силу определенных исторических факторов (французский в Квебеке, нидерландский в Бельгии), или, напротив, насильственно, когда принимались законы, исключавшие данный язык из сферы публичного общения или запрещавшие его (каталанский и баскский в Испании).

Е. Функции языка в обществе. Администрация. Типологически в отношении языка различаются центральная и местная администрации. В центральной администрации может быть меньше языков, чем в местной, и наоборот:

— в центральной администрации — один язык, в местной — два: в Испании центральное правительство использует только один язык — испанский, областные администрации в Каталонии и в Эускади пользуются двумя языками: испанским и местным;

— в центральной администрации — несколько языков, в местной — один; такова ситуация в Бельгии, в Канаде. В Финляндии в парламенте два языка, в местных органах власти — два или один, в зависимости от состава населения. В Югославии центральные органы используют ряд языков, местные органы власти — один или несколько.

Двуязычие административных органов обеспечивается индивидуальным двуязычием должностных лиц либо переводом документов. Перевод может быть реально необходим, но он может оставаться лишь символическим, подчеркивая равноправие языка (например, перевод документов на баскский язык в Эускади).

А р м и я. В рассмотренных случаях представлены следующие варианты:

- используется только мажоритарный язык (испанский в Испании);
- начальная военная подготовка проходит на родном языке новобранцев; офицеры обязаны знать два государственных языка (в Бельгии);
- в командовании используется язык межэтнического общения, но культурно-воспитательная работа в армии организуется на родном языке солдат (в Югославии).

С у д. Язык судопроизводства определяется по территориальному признаку (Бельгия), либо по личному желанию граждан.

Э к о н о м и к а. Наиболее сложен вопрос о языке на предприятии. Различаются следующие ситуации: в производстве на всех уровнях используется только местный язык (Бельгия, Югославия), в производстве (крупном) используется только мажоритарный язык; представители миноритарного языка стремятся продвинуть свой язык на предприятия (Квебек, Эускади).

Использование языков может дифференцироваться и в зависимости от внешних или внутренних связей предприятия: внутреннюю жизнь предприятия стараются перевести на местный язык, тогда как во внешних связях используется мажоритарный (Испания, Квебек), либо местный административный язык с последующим переводом (Югославия).

Большое значение придается использованию языков в торговле. Вывески, реклама, этикетки могут быть одноязычными (только на мажоритарном или только на миноритарном языке) либо двуязычными (это может зависеть от торговых связей предприятия).

О б р а з о в а н и е. Это — важнейший аспект, ибо обучение на языке обеспечивает его выживание и развитие. Основные стороны проблемы: количество языков, представленных в обучении, язык преподавания, совместное или раздельное обучение.

Преподавание может вестись на родном языке учащихся либо на неродном языке (обычно это мажоритарный язык в данной области; в такой ситуации оказываются нередко дети иммигрантов из других стран). Родной язык может не изучаться вовсе либо изучаться в качестве обязательной или факультативной дисциплины. То же касается и другого языка в данной ситуации (ср., например, шведский в финских школах).

Образование и обучение на всех уровнях может вестись раздельно или совместно. Раздельное обучение обеспечивает лучшее сохранение миноритарного языка, совместное обучение благоприятнее для развития двуязычия, но может привести к ослаблению позиций миноритарного языка в пользу мажоритарного. Возможны два варианта совместного обучения: 1) в одной школе имеются отделения или классы с разными языками, преподавание ведется на родном языке учащихся, другой язык изучается как

учебная дисциплина; 2) в одном и том же классе разные дисциплины ведутся на разных языках.

Выбор языка обучения может быть свободным (Испания, Финляндия, Югославия) либо определяться принудительно (Квебек, Бельгия).

Общественные организации. В некоторых странах имеется тенденция к созданию общественных организаций по языкам. Например, в Бельгии профсоюзы и некоторые партии разделены по языковому признаку, в некоторых партиях имеются национально-языковые секции. В Финляндии существует Шведская народная партия, в Квебеке — франкоязычные организации.

Ж. Кодификация языка. Хотя выше нас интересовало прежде всего «внешнее» обустройство языков, вопросы «внутреннего» обустройства нельзя от них полностью отделить. Оба этих аспекта взаимозависимы. Чтобы язык мог полностью разнообразными общественными функциями, он должен иметь определенный уровень обработки; напротив, если функции языка сокращаются, то обедняется и даже разрушается его внутренняя структура, нередко вследствие смешения данного миноритарного языка с мажоритарным. Могут быть отмечены следующие оппозиции, касающиеся миноритарного языка:

— сформировавшийся язык, имеющий разработанную литературную норму;

— становящийся язык, норма которого формируется в процессе обустройства (каталанский, баскский, македонский). Во втором случае, естественно, обустройство связано с дополнительными трудностями. Кодификация языка может пользоваться поддержкой центральных государственных органов (македонский в Югославии) или же быть делом исключительно местной администрации и общественных организаций (баскский, каталанский).

В некоторых случаях речь идет о восстановлении частично или полностью утраченного языка, так что возникает проблема привития языка в качестве родного (таково положение баскского в ряде районов Эускади).

Важным фактором кодификации миноритарного языка является наличие или отсутствие у него языкового «хинтерланда» («тылового массива»). В первом случае (французский в Квебеке, нидерландский в Бельгии, албанский и венгерский в Югославии, шведский в Финляндии) миноритарный язык может опираться и в своей борьбе за выживание, и в формировании нормы на поддержку основной части носителей данного языка, живущей в другом, нередко соседнем, государстве. Во втором случае (баскский, каталанский, македонский, словенский) основная часть данного этноса проживает в данной стране и именно здесь решается будущее этого языка.

Таким образом, при формировании нормы миноритарного языка возможны три случая:

— миноритарный язык следует за нормой основной массы языка, представленной в хинтерланде (например, норма шведского языка в Финляндии следует общей норме этого языка в Швеции; албанский язык в Югославии пользовался вначале нормой, основанной на северном — гегском — диалекте, в 1969 г. под влиянием образованной элиты была принята норма Албании, основанная на южном — тоскском — диалекте);

— местная норма, следуя официально норме хинтерланда, проявляет тенденцию к обособлению от нее, интегрирует местные элементы, пришедшие из местных диалектов или из окружающих языков (нидерландский язык в Бельгии, французский в Канаде);

— формируется множественная норма, которая несколько различается в разных ареалах данного языка. Такая ситуация складывается для баскского языка. Также каталаноязычные жители Валенсии не принимают полностью норму Барселоны.

В заключение остановимся на роли статистики в языковом обустройстве и на плюсах и минусах всего этого процесса.

Статистика играет огромную роль в процессе языкового обустройства, и статьи рассматриваемого сборника наглядно демонстрируют это. Цели статистики: определить языковой статус населенного пункта, проследить процесс смены языка: вытеснение миноритарного языка мажоритарным или, наоборот, степень внедрения миноритарного языка в разных сферах общения (администрация, экономика и др.), выявить уровень восстановления родного или миноритарного языка (число лиц, изучающих его, оставляющих занятия и т. п.).

Как показывают изложенные факты, политика языкового обустройства связана с определенными издержками и трудностями политического, морального и материального порядка.

Политические аспекты проблемы проявляются в том, что расширение функций миноритарного языка, рост его престижа могут сопровождаться ростом стремления к национальной обособленности, к формированию автономной или федеральной административной единицы и даже к сепаратизму. Напомним, что борьба за права нидерландского языка в Бельгии завершилась созданием федерального государства.

Разнообразны и моральные проблемы. Прежде всего это, как мы видели, антиномия демократизма и антидемократизма в языковых вопросах. Защита языка этнического сообщества в целом может оказаться неразрывно связанной с ограничением прав отдельных граждан в выборе школы обучения их детей, в выборе места жительства и даже в пользовании языками. Это мы видели на примере Бельгии и Квебека.

Другим вопросом морального плана является необходимость принести нередко живущее поколение, не знающее данного языка, в жертву тому, чтобы будущие поколения могли широко пользоваться этим языком.

Наконец, меры по языковому обустройству могут столкнуться с «языковым» эгоизмом, как с эгоизмом миноритарного населения, стремящегося иногда как можно больше отделиться от другой части страны и навязывающего свой язык всем, живущим на его территории, так и с эгоизмом носителей мажоритарного языка, которые, проживая в области миноритарного языка, часто не желают изучать этот язык, поскольку их собственный является средством межэтнического общения. С подобными явлениями мы встречались во многих рассмотренных ситуациях.

Материальные издержки языкового обустройства связаны с необходимостью расходовать значительные средства на подготовку учителей, переводчиков, на дублирование материалов, переводы, дублирование вывесок и т. п., а также с большими организационными усилиями. Нельзя игнорировать и возможный чисто экономический ущерб, вызываемый передислокацией предприятий, рабочей силы и пр. Например, вследствие перемещения из Квебека ряда англоязычных фирм провинция потеряла немало рабочих мест.

С другой стороны, как показывает материал книги, языковое обустройство дает и несомненные преимущества.

В моральном плане оно позволяет иноязычным группам населения свободно и на разных уровнях пользоваться родным языком, а это является одним из важных проявлений демократии и гуманизма. В плане полити-

ческим разумно осуществляемое языковое обустройство укрепляет правовой характер государства и способствует общественному спокойствию, оно погашает, как это видно на примере Канады, Бельгии, Страны Басков, сепаратистские стремления и выбивает почву из-под ног у экстремистов.

Языковое обустройство, проводимое в интересах малых языков, имеет огромное историко-культурное значение: оно позволяет сохранить для человечества языки и связанные с ними культурные ценности.

В психологическом отношении положительный эффект языкового обустройства проявляется в том, что языковое меньшинство освобождается от комплекса «неполноценности», приобретает чувство собственного достоинства, язык и культура становятся более престижными; благодаря этому растет его положительное отношение и уважение к мажоритарному языку и связанной с ним культуре.

Материалы статей книги показывают, что целесообразное и справедливое решение языкового вопроса устраняет языковое отчуждение, способствует росту полезной активности граждан и даже росту производительности их труда.

Сколько бы ни были сложны проблемы языкового строительства, сколько бы ни беспокоили они представителей мажоритарного языка, их разумное решение, с учетом двуязычия, в конечном счете идет на пользу всему обществу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. La norme linguistique. P., 1983.
2. La crise des langues. P., 1985.
3. Politique et aménagement linguistiques. P., 1987.